

**ФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ «ЧУЖОГО СЛОВА»
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале очерка Н.С. Лескова
«Леди Макбет Мценского уезда»)**

И.М. Попова, Д.А. Кольцов

ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный технический университет», г. Тамбов

Рецензент д-р филол. наук, профессор М.Н. Макеева

Ключевые слова и фразы: антитетичная поэтика; балладная песня; библейские реминисценции; интертекст; «чужое слово».

Аннотация: Проанализированы функциональности фольклорного и библейского интертекстов в творчестве Н.С. Лескова на материале очерка «Леди Макбет Мценского уезда». Выявлен смысл столкновения, противостояния двух языковых стихий: языческой и христианской посредством использования приема «чужого слова».

В последнее время творчество Николая Семеновича Лескова интенсивно исследуется, но необходимо и современное прочтение изученных ранее произведений писателя, таких как очерк «Леди Макбет Мценского уезда» (1865) [2, с. 49–93].

Причины «падения женщин» Н.С. Лесков видел в «одуряющем любовном служении», которое создано «воскурением слабостей женщины как слабовольного и слабосильного создания <...> у которого потребность любить берет верх над рассудком <...> и неотразимое влечение является во всем своем всесилиии» [2].

В этой цитате из очерка 1861 г. «Русские женщины и эмансипация» содержится уверенность Н.С. Лескова в том, что общественное мнение и атмосфера атеистического века способствовали популяризации «разнузданного» поведения женщин. Писатель подчеркивал: «Такие женщины очень высоко ценятся в разбойничьих шайках, арестантских партиях и петербургских социально-демократических коммунах» [2, с. 134].

Наблюдения над функциональностью «чужого слова» в названном произведении Н.С. Лескова позволяют убедиться, что судьба главной ге-

---

Попова Ирина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Русская филология», e-mail: postmaster@kafruss.tstu.ru; Кольцов Данила Александрович – аспирант кафедры «Русская филология», ТамбГТУ, г. Тамбов.

роины очерка «Леди Макбет Мценского уезда» является художественной аргументацией приведенных выше суждений писателя.

«Чужое слово», взятое из фольклорных и евангельских текстов и использованное в очерке Лескова с особыми художественными целями, «вращаясь в их границах, позволяет себе лишь новые комбинации старых, и только наполняя их тем новым пониманием жизни, которое собственно и составляет ее прогресс перед прошлым» [1, с. 40].

Эту верную мысль А.Н. Веселовского подтверждает название очерка – сильная позиция текста, содержащая намек на бесконечную повторяемость жизненных ситуаций и характеров и вызывающая в памяти читателя трагедию В. Шекспира. Не случайно, что реминисценция из зарубежной классики в тексте Н.С. Лескова одна, это подчеркивает направленность автора на акцентирование русского феномена леди Макбет.

«Генерация новых смыслов» и «конденсация культурной памяти» [7, с. 24] происходят в произведении Н.С. Лескова, когда сталкиваются и противостоят друг другу две стихии: фольклорное «слово», выражающее языческое мировидение, и евангельское «слово», утверждающее приоритет высокой духовности.

В ряду фольклорных интертекстов в «Леди Макбет Мценского уезда» преобладает цитация из народных балладных песен и драматургии (балаганно-раёшно-лубочный стиль), а также из сказок, быличек и заговоров. Образ Катерины, Аксиньи и Сергея спроецированы, например, на поэтику русской баллады, а с евангельским «словом» связаны все персонажи из рода купцов Измайловых.

Художественная структура балаганной песни антитетична: антитеза заложена на метафорическом, образном, сюжетно-фабульном и идейном уровнях произведения. Герои народной баллады: губитель (мужчина) и жертва (женщина). На идейном уровне в балладе противопоставлены: правда – ложь; вера – безверие; жизнь – смерть; свобода – плен; верность – измена и т.д. В очерке Н.С. Лескова губителем становится женщина, а мужчина – только подстрекателем ее преступных действий.

У Николая Семеновича Лескова с первых строк текста противопоставлены «честной род купеческий», «народ строгий и благочестивый»; и «простонародная девушка», у которой «характер пылкий», которая «привыкла к простоте и свободе», любит «купаться в реке в одной рубашке» и «обсыпать через калитку прохожего молодца подсолнечной лузгой» [2, с. 56].

Противоположно также восприятие персонажами обстановки дома Измайловых: для Катерины Львовны дом мужа – это «пустыня», где нет ничего живого: «живем словно с монастыре каком», «скучно, пусто». А повествователь солидаризируется с «честным родом» Измайловых; свекор и муж довольны тем, что в доме «всегда тихо, чисто, и лампы сияют перед образами» [2, с. 58]. Противопоставлено языческое мировоззрение и страстный характер простонародных персонажей (Катерина, Сергей, Аксинья) – православному мировидению Измайловых.

Знаменательно, что «губителем» становится вошедшая в семью женщина, а жертвами ее – родственники мужа, которых нельзя упрекнуть ни в

чем дурном (свекор милосерден: воды подал прелюбодеею Сергею после наказания, а муж перед смертью просил позвать священника, но когда Катерина грубо отказала («обойдешься»), не проклял губителей, а кротко смирился).

Образы Катерины Львовны, Сергея, кухарки Аксиньи и «народа набожного», идущего из церкви, ярко характеризуют интертексты из инародной сатиры, точнее, народного глума, которые И.Г. Прыжов назвал «местопребыванием убийственно злой и меткой народной сатиры, подчас крайне безнравственной» [4, с. 29].

Катерина Львовна на шестой весне замужества бежит от скуки туда, где хохочет народ на прорвавшейся плотине (символ прорыва языческих страстей в душе Катерины). Героиня видит лубочного красавца со смоляными кудрями и слышит привычный для нее речитатив народных масленичных игрищ, видит сцену глума над толстой кухаркой Аксиньей, которую насильно посадили в мерную кадь и как «свинью живую вешали» [2, с. 51].

Лубочный молодец Сергей комментирует: «А вот вешали свинью Аксинью, что родила сына Василья, да не позвала нас на крестины». Катерина хохочет, тоже видя в кухарке «толстую рожу» и свинью. Все равнодушно к страданиям кухарки, которую красивый молодец выбросил как хлам из кадки «на сложенное в угле кульё» [2, с. 52].

«Рожа» вместо «образа», лика – характерный сатирический прием в народной сатире. Сравните с подписью под лубочной картинкой: «У меня жена красива, у нее рожа сива, у нее рожа на лапоть похожа» [3, с. 39]. В конце очерка с лаптем, с башмаком будет сопоставлено измученное лицо самой Катерины Львовны. Сергей заявит: «Стоптаннный сонеткин башмак мне милее ее рожи, кошки эдакой ободранной» [2, с. 93].

Эпизод со взвешиванием «живой свиньи» вызывает также библейскую аллюзию на изгнание легиона бесов из гадаринского бесноватого. Повествователь как будто предрекает фольклорным интертекстом будущее любовное беснование Катерины Львовны, которая как стадо свиней с вселившимся в него бесами погибнет в водной пучине.

«Звериная простота», по словам повествователя, заставляет Катерину по доброй воле залезть в кадку, чтобы тоже побыть «живой свиньей». Интертекст выполняет при этом и функцию характеристики образов, и функцию предварения событий: ведь Катерина повторит в наихудшем варианте судьбу Аксиньи, родившей и бросившей «гулевого», ненужного ребенка [2, с. 53].

Сергей цинично употребляет в своих речах евангельскую цитату в лубочном варианте: он обещает «в Аравию счастливую занести» понравившуюся ему Катерину Львовну [2, с. 52]. Библейское «слово» подчеркивает в данном случае ложное представление персонажей о рае, как о «сладости тела». В подтверждение этому Сергей и Катерина начинают мериться силой, говорят о важности веса тела и силы плоти как о самом главном в жизни.

То, что происходит «погубление души» в результате преступления заповедей доказывается интертекстом народных песен и быличек. Напри-

мер, старый приказчик, спавший в сарае во время любовных утех героев, сквозь сон чувствует, что «шаловливые дети советуются, как злее над хилою старостью посмеяться <...> хохот, звонкий и веселый, словно кого озерные русалки щекочут» [2, с. 64].

Аллюзия на былички о нечистой силе еще раз подтверждает демонический характер страсти героев. В народном календаре «русалий, русалка – «заложный покойник», поэтому и дом, и двор у Измайловых кажется «мертвенным». В ходе повествования происходит постоянное аллюзивное сопоставление балладного интертекста с библейским текстом в интерпретации повествователя: «Много было в этой ночи в спальне Зиновия Борисыча и винца из свекрового погребца попито, и сладких сластей поедено; в сахарные хозяйкины уста поцеловано, и черными кудрями на мягком изголовье поиграно» [2]. Это варьированная цитата из балладной песни «Князь и старицы»: «Ступишь, князюшко, во глубок погреб – все сладки водочки исприпиты, сладки яствушки исприедены» [5, с. 319].

Неоспорима значимость варьированного интертекста балладной песни «Князь Роман жену терял» для характеристики Сергея как народного идеала страстного любовника. Персонаж Лескова почти дословно повторяет слова Вани-ключника, произнесенные в момент его казни. Сергей говорит свекру Катерины: «Моя вина – твоя воля... Тешься, пей мою кровь». Повествователь подчеркнул: «Под нагайкой Сергей ни стопа не выдал, зато половину рукава своей рубашки зубами изъел» [2, с. 57]. Также вел себя Ванька-ключник: когда «сапоги его наполнились кровью», он жевал ворот рубашки, но терпел, не стонал.

После этой интертекстуальной фольклорной аналогии вновь следует евангельская аллюзия в комментарии повествователя: «Катерина Львовна развернулась вдруг во всю ширь своей проснувшейся натуры. Она была теперь готова за Сергея в огонь, в воду, в темницу и на крест» [2, с. 64]. Мы знаем, что в огонь, в воду, в темницу и на крест шли великомученики «за Христову Веру православную».

Важно, что повествователь употребляет, после евангельской аллюзии, метафоры «дурман страсти», подчеркивая, что Катерина Львовна «обезумела от своего счастья» [2, с. 64]. Библейское «слово» из притчи «Об исцелении гадагинского бесноватого» оттеняет сущность демонической страсти героини. «Словно демоны с цепи сорвались», – так Лесков говорит о развязке «драмы любви» Катерины Львовны [2, с. 76].

Кошунство Сергея тоже развенчивается цитатой из Священного писания. Сподвигая Катерину на очередное убийство, он произносит: «Я хотел бы перед святым предвечным храмом мужем вам быть» [2]. Высказывание Сергея, содержащее «слово о Церкви Христовой», обличает лживый характер персонажа, его преступное, антиблагодатное поведение, вводящее в искушение замужнюю женщину. Здесь интертекст вновь выполняет несколько функций: предзнаменование событий, характеристики образа и выражение авторского сознания.

Николай Семенович Лесков мастерски использует художественный прием «чужое слово» и для придания иронического эффекта своему повествованию. Ярко проявлен иронический травестируемый тон церковно-

славянской речи персонажей в сцене разоблачения убийц отрока Федора «народом, идущим после богослужения». В этом эпизоде содержится двойное разоблачение: не только убийц, но и отсутствия истинной веры в разоблачителях. «Наш народ набожный, к церкви божией рачительный» [2, с. 80], – уверяет повествователь. Но далее он иронизирует: «Молодежь целого города, расходясь шумною толпою, толковала о достоинствах известного тенора и случайных неловкостях столь же известного баса. Не всех занимали эти вокальные вопросы» [2, с. 81].

Из любопытства, чтоб подтвердить пересуды и сплетни, полезли прихожане храма в окна дома Измайловых, после всенощной «Введения во храм Пресвятой Девы Марии», когда поется тропарь «о преображении и человеков спасения проповедание» [6]. А на деле происходит обратное: не преображение и спасение, а падение одних и погубление душ других.

Уличая убийц, свидетели говорят языком богослужения, церковнославянским: «Младенец лежал повержен на ложе» [2, с. 82]. Ясно, что это фарисейство, а не проявление истинной православной веры.

В финальной части «Леди Макбет Мценского уезда» после разгула «с цепи сорвавшихся демонов» в героине наступает «окаменение», напоминающее то состояние «окаменного нечувствия», об избавлении от которого молятся. Повествователь определяет это состояние «бogoоставленности» так: «Для нее не существовало ни света, ни тьмы, ни худа, ни добра, ни скуки, ни радостей, она никого не понимала, никого не любила, и себя не любила» [2, с. 83].

Драма любви Катерина Львовны в конце концов привела ее к арестантам, которых повествователь называет «горстью людей, оторванных от Света» [2, с. 91]. В этой фразе прослеживается аллюзия на «Свет Христов, который просияет для всех». Знаменательно, что в момент физической гибели, героиня тянется к Свету, силится вспомнить молитву, «и шевелит губами, а губы ее шепчут слова» Сергея, его глумливую балаганную речевку: «Как мы с тобой погуливали, осенние длинные ночи посиживали, лютой смертью с бела света людей спроваживали» [2, с. 93].

Фольклорное языческое «слово» забивает «слово» православное, свидетельствуя о победе над разумом страстей погибельных, ведь «нарушение одной заповеди ведет к нарушению всех остальных, и к грехам смертным, то есть делающим человека повинным в вечной смерти или погибели» [6, с. 17].

Таким образом, анализ межтекстовых связей в художественном тексте очерка «Леди Макбет Мценского уезда», демонстрирующий символическое противостояние языческого фольклорного и евангельского интертекстов, позволяет более полно и объективно выявить авторскую интенцию, состоящую в утверждении спасительной для человека православной аксиологии.

Список литературы

1. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский. – М. : Высшая школа, 1989. – 408 с.

2. Лесков, Н.С. Собрание сочинений. В 5 т. / Н.С. Лесков. – М. : Правда, 1999. – Т. 1. – 420 с.
  3. Народный театр / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. А.Ф. Некрылова, Н.И. Савушкиной. – М. : Сов. Россия, 1991. – 544 с.
  4. Прыжов, И.Г. Русский фольклорный театр / И.Г. Прыжов. – М.–Л., 1934. – 326 с.
  5. Русская народная поэзия. Эпическая поэзия : сб. / сост., вст. статья, предисловие к разделам, подг. текста, коммент. Б. Пупалова – Л. : Худож. лит., 1984. – 440 с.
  6. Святитель Игнатий (Брянчанинов). В помощь кающемуся / Святитель Игнатий (Брянчанинов). – М. : Русский Хронограф, 2002. – 37 с.
  7. Шкловский, В.Б. О теории прозы / В.Б. Шкловский. – М. : Сов. писатель, 1983. – 384 с.
-

**Functionality of “Someone Else’s Word” in the Literary Text
(Based on the Essay of N.S. Leskov “Lady Macbeth of Mtsensk”)**

I.M. Popova, D.A. Koltsov

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: antithetical poetics; ballad song; biblical reminiscences; intertext; “someone else’s word”.

Abstract: This article analyzes the functionality of the folklore and biblical intertext in N.S. Leskov's works on the example of the essay “Lady Macbeth of Mtsensk”. The essence of collision and confrontation between the two linguistic elements – pagan and Christian by using “someone else’s words” has been revealed.

© И.М. Попова, Д.А. Кольцов, 2012